

Дневник Веры Зилоти

После "бегства"

1920 (нового стиля)

4-го февраля. Среда (22 января)

Утром приходила Люба. Больше не успела ни с кем проститься.

Оттепель.

В 4 часа ночи в Терийоках. Полнолуние.

5-го Четверг.

Не ложились. С 9 – 4 часа в комендатуре. И потом в карантин.

Оксана[1] в лазарет, отморожены руки и ноги...

Слава Богу, что избежала ампутации.

6-го Пятница (24-ое)

В карантине на допросе. Баня.

Оксана именинница. Свидания не разрешили.

Здесь – "более чем без комфорта"

7-го Суббота

В 3 часа виделись в карантине на террасе с Оксаной. Ее бумаги еще не готовы. Руки и нога забинтованы. Сердце щемит, глядя на нее; бледная такая.

Левко у Мелартина.

8-го Воскресенье

Здесь один из сожителей Аргутинского – Андр. Як. Белоборов (Белобородов?) – племянницей ему приходится Ан. Влад. Белобородова. 15 гр. мороза, солнце, дивно (зачеркнуто). Переписываемся с Оксаной по несколько раз в день.

Трогательное мне письмо от Левко[2]. Саша[3] писал массу писем за границу и в Гельсингфорс.

Третий вечер проводим за самоваром в беседах (мы, Аргутинский, Наташа, Белобородов, Тихомиров). В окно светил прожектор из Кронштадта; это наглое, поганое око большевиков..., и это не дает мне покоя и наносит тоску по оставшимся моим... безутешно...

9-го Понедельник

Написала Левко. Горе расставания с детьми (оставляла Веру[4] лежащую в дифтерите...) и радость сознания, что мой младший хороший сын ??? и благополучен; хоть знаю это; и тоска по ??? (Кюриен...?)...

Оксана еще здесь, бумаги не приходят.

Сегодня "там" Сашенька [5] должен читать первую лекцию (в Институте Зубова). От Ольги посылка – сухая провизия и деньги – это трогательно, тем более, что у нее их наверное у самой не много.

Здесь лежим и откармливаемся – и каждый кусок напоминает о том, что "там" наши голодают; это сознание мучительно...

Приехал Н.П. (в скобках карандашом – Рузский?); а выехал раньше нас...

10-го Вторник.

Интервью в канцелярии. Просто беда, Саша нарасказал много всего; кошмарное настроение из-за моих оставшихся. Ветер воет, прожектор

всю ночь, вспоминается, настроение тоскливое. Оксана переехала к Марии Аф. на Боткинскую дачу (в скобках карандашем – Ал. Серг. Боткин). Помогает и кормит нас Над. Петр. Святославская [правильно – Святловская, прим. ред.], жена здешнего попа. Оксана писала нам 4 раза; по словам Мар. Аф. из Kultala (?) все вывезено. Вечером (вшестером опять) пили у нас чай и беседовали. Буря и прожекторы – проклятый большевистский "глаз" напоминает, что мы так еще близко и так отрезаны от своих...

11-го Среда

Неделя со дня выезда. Саша опять ходил в канцелярию; очень волнуюсь из-за его интервью. Он для меня, как матери оставшихся детей, – неправ совершенно. Буря продолжается. Третье письмо от Левко, такое же милое. Тоска и страшная слабость – реакция. Вечером опять та же компания.

12-го Четверг

Буря стихает; у Саши утром в канцелярии свидание с Н. П.; он ждет своих, безумно волнуется; и я волнуюсь за них и за наших. Но бодрюсь – грех не верить в волю Божию; все нити – фаталист. Приходит масса писем. Три раза распространялся слух "о смерти Зилоти", и все радостно пишут, узнав, что он жив. Оксана недовольна сокращением интервью; принципиально – она права; а я права – как мать. Она была в канцелярии и у П. П. (обведено со знаком вопроса). Я писала Левко, а остальное время лежала. Вечером сидели вчетвером с Аргутинским и Наташей, которая невероятно утомляет всех своей шумливостью.

13-го Пятница

Пришла бумага (поручительство) от Мелартина, Сибелиуса, Кая??? и Фацера [6]. Было письмо из Мердок – зовут туда. Было письмо от Grundt, они все живы!! и мечтают повидаться. Днем ходили на свидание с Оксаной. С 5 – 8 ч. Саша играл в преферанс внизу. Вечером пили чай вшестером.

14-го Суббота

Написала Ольге, Grundt и Левко. Письмо от Левко и телеграмма от Mörck (Concerbureau) это разрешен нам въезд в Helsingfors. Оксане все плохо. Я после 4-х лежала, Саша играл внизу в преферанс; вечером обычное чаепитие. По льду пешком пришли супруги Шостаковские (он сын дирижера) с девочкой, шли по оттепели (ноги в воде) 18 часов и тащили девочку на салазках! Герои!!

15-го Воскресенье

Холодный, бурный ветер. Написала в Мериоки. Утром Саша ходил в канцелярию, завтра нас выпускают из карантина; ясно, что это более всего политический карантин. Мы переедем к Марии Аф. Папа встретил в канцелярии Оксану.

16-го Понедельник

В 10 часов утра повели в канцелярию, где опять ставили на веранде градусники, как и при приходе; нас отпустили на 2 дня раньше, как и Белобородова и Тихомирова, пришедших раньше нас. Ник. П. приходил, завтра и он уже свободен будет, а об его семье ни слуху, ни духу. Из канцелярии в комендатуру; оттуда к П. П.; потом проехали прямо к

Марии Аф.; встретились первый раз в жизни – а как близкие. В 5 часов опять в комендатуру, ничего не готово, разрешение не получено; Саша страшно зол, послал грозную телеграмму и грозит ??? "уйти" обратно. "Дома" сидели до 12-ти. На меня чистота и уютность Машиного (карандашом – Боткиной) гнезда делает такое поэтическое впечатление, точно возврат к прошлому или к лучшему будущему...

17-го Вторник

(У Маши Боткиной) Спала, как не спала слишком два года. В полной поэзии, чувства "дома", где есть голову приклонить, нам "старым бродячим собакам", как говаривал Саша последнее время; да, бездомным; и бездомными у нас все: и Саша, и Вера, и Оксана, и Кориска (?) (кот. мечется где-нибудь в Сибири, не то у японцев, не то у белых, не то у красных...), и Левко, которого приютил у себя милый добрый Melartin; писал, что Левко живет у них "wie unzer Kind".

Утром мы написали Маше (Боткиной) в Frascati (около Рима). Мария Афон. удивительный человек! М. А. давала нам читать некрологи о Саше. Маша писала, что не верит этим известиям, но как все-таки обрадуется увидеть Сашин почерк на конверте!!

18-го Среда

Ходила в лазарет благодарить сестру за уход за Оксаной; оттуда ходила за Сашей в комендатуру. Разрешение все не приходит! Саша из-за этого не в духе конечно.

19-го Четверг

Наш день свадьбы – 33 года.

Утром ходили с М. Аф. к Лагусу (прис. пов., у которого мои купчие лежат) – не застали. Приходил Н. П.; сказал, что наше разрешение получено. Саша повеселел, ездил взять на сегодня вечер спальные места нам троим. М. Аф. спекла в честь сегодняшнего праздника нашего – чудный пирог с рисом!! Какая это невиданная давно роскошь!!... В 5 час. опять ходили с М. А. к Лагусу, он упросил меня взять у него все бумаги, т. к. боится наступления красных (?!). Настроение здесь вообще тревожное. Аргутинский приходил – тоже с нами едет. М. А. нас проводила, посадила в вагон как родная. Мы с ней сразу все подружались.

20/7 Пятница

В Выборге между поездами сидели на вокзале два часа; к нам приходили супруги Матвеевы; принесли нам коробку карамелек, трогательно! Рассказывал про Левко: он торговал и воевал; добровольцем на Эстонском фронте в финском дивизионе; видел уже Исакий – и пришло повернуть обратно; ходил нас освобождать; мы слушали как сказку; это сделало громадное впечатление на отца! Унижение ему в старости. А мне радость, что жив остался! Мы с Мальвиной чувствовали, говаривали... За 40 мин. до Гельсингфорса вошел в купе Левко – такой широкий, возмужавший и такая же милая мордочка. Нас поместили в роскошнейшей, буржуазнейшей квартире одного из братьев Fazer (уехавшего консулом в Швейцарию). Здесь квартирный кризис, – нам повезло.

Примечания:

- 1) Оксана – Оксана Александровна Зилоти, дочь Александра Ильича и Веры Павловны Зилоти (урожд. Третьяковой).
- 2) Левко – Лев (Левко) Александрович Зилоти, сын Александра Ильича и Веры Павловны Зилоти.
- 3) Саша – Александр Ильич Зилоти – русский пианист, дирижёр и музыкально–общественный деятель, педагог.
- 4) Вера – Вера Александровна Зилоти, дочь Александра Ильича и Веры Павловны Зилоти. Осталась в Петрограде из-за болезни.
- 5) Сашенька – Александр Александрович Зилоти, сын Александра Ильича и Веры Павловны Зилоти. Остался в Петрограде, но позже эмигрировал во Францию.
- 6) Фацер – Fazer, сейчас принято произносить Фазер.